

Маргаритов С. Д. Несколько слов автора о своей книге: Речь перед защитой магистерской диссертации: «Лютеранское учение в его историческом развитии при жизни М. Лютера» // Богословский вестник 1898. Т. 3. № 7. С. 105–112 (2-я пагин.).

Нѣсколько словъ автора о своей книгѣ.

Речь предъ защитой магистерской диссертации „Лютеранское учение въ его историческомъ развитіи при жизни М. Лютера“

Предметъ нашего изслѣдованія — лютеранское учение въ томъ видѣ, въ какомъ оно было во время жизни М. Лютера. Въ русской литературѣ есть лишь одно сочиненіе, касающееся того же предмета. Это — сочиненіе преосвященнаго Хрисанѳа „Характеръ протестантства и его историческое развитіе“. Есть еще изслѣдованія и другихъ авторовъ, касающіяся лютеранскаго ученія, но эти изслѣдованія затрагиваютъ лишь одинъ какой-нибудь пунктъ ученія. Таковы сочиненія М. Ястребова „Ученіе Аугсбургскаго исповѣданія и его Анолии о первородномъ грѣхѣ“, А. Коржавина „Ученіе объ оправданіи по символическимъ книгамъ лютеранъ“, Ѳ. Стукова „Лютеранскій догматъ объ оправданіи вѣрою“, Пв. Олесницкаго „Символическое ученіе лютеранъ о таинствѣ евхаристіи и несостоятельность этого ученія“. По этимъ сочиненіямъ читатель, конечно, не можетъ составить себѣ цѣльнаго представленія о лютеранскомъ ученіи. Слѣдовательно, цѣльное представленіе составляется у читателя только при чтеніи книжки преосвященнаго Хрисанѳа. У людей, привыкшихъ смотрѣть на лютеранское ученіе глазами покойнаго преосвященнаго, по прочтеніи нашего сочиненія можетъ явиться недоумѣніе и удивленіе, такъ какъ въ этомъ сочиненіи проведенъ несогласный съ преосвященнымъ Хрисанѳомъ взглядъ на лютеранское ученіе при жизни Лютера. Это несогласіе заключается въ томъ, что мы раздѣляемъ дѣятельность нѣмецкаго реформатора на два періода. Въ первый періодъ, думаемъ мы, Лютеръ и его помощники старались какъ можно болѣе отдалиться отъ католическихъ взглядовъ и потому развивали свое ученіе въ противоположность католичеству; во второй же періодъ Лютеръ и другіе лютеранскіе богословы

уже перестали отдаляться отъ католическихъ взглядовъ, но, какъ бы оставившись въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія въ противоположность католичеству, старались къ прежнимъ своимъ положеніямъ присоединить такія, которыя плохо вязались съ ними и были приличны скорѣе католичеству, чѣмъ лютеранству предшествующаго періода. Для русской публики такой взглядъ совершенно необыченъ, а потому и страненъ. Но настолько ли онъ страненъ для Запада Европы? Нѣтъ ли въ иностранной литературѣ хоть какого-нибудь защитника нашего взгляда? Думаемъ, что для нашихъ слушателей не безынтересно будетъ, если мы хотя весьма кратко скажемъ о томъ, какіе взгляды проводятъ западные историки—богословы на ученіе Лютера.

Если мы обратимся къ протестантскимъ историкамъ, убѣжденнымъ въ истинности ученія Лютера, то увидимъ, что эти историки, не исключая и весьма серьезныхъ, дѣло реформатора превозносятъ, такъ сказать, до небесъ. Лютеръ, по ихъ мнѣнію, является не простымъ человѣкомъ, а пророкомъ и апостоломъ. Онъ, думаютъ они, дѣйствовалъ не самъ по себѣ, а по внушенію Божию, будучи въ своемъ дѣлѣ лишь орудіемъ Бога. А такъ какъ Богъ противорѣчить Себѣ не можетъ, то эти историки стараются доказать, что Лютеръ въ своемъ ученіи нисколько не противорѣчилъ себѣ, что, если впоследствии реформаторъ и сталъ учить не вполне такъ, какъ прежде, то въ этомъ случаѣ онъ не противорѣчилъ себѣ, а лишь раскрывалъ свое ученіе съ другихъ сторонъ. Такъ, серьезнѣйшій историкъ Шликъ говоритъ: дѣло реформации -- дѣло Бога, которое онъ совершалъ чрезъ людей, часто не знавшихъ о томъ, что они работали для Него; Онъ направлялъ ихъ планы къ извѣстной цѣли; ибо Богъ изъ плановъ человѣческой глупости или алчности выводилъ Свои планы, пользуясь тѣми для исполненія своихъ намѣреній (предисловіе къ 1-му тому, стр. XIII--XIV). Реформация, по мнѣнію Шлика, не смотря на страсти и ошибки людей, остается дѣломъ Божиимъ (ibid., стр. XVI). Поэтому, раскрывая въ своихъ громаднѣйшихъ томахъ, „какъ постепенно образовались у Лютера мнѣнія и какъ потомъ они дѣлались твердыми и становились убѣжденіями“ (XIX), этотъ историкъ старается показать, какъ „истина“ появилась на свѣтъ, какія препятствія она

встрѣчала, что содѣйствовало ся движенію и какъ, наконецъ, выразилась она въ Формулѣ согласія. Такимъ образомъ, Плянкъ видитъ въ лютеранствѣ постепенное раскрытіе и выясненіе истины, такъ что человѣческія страсти, игравшія большую роль въ различныхъ спорахъ, служили только орудіемъ въ рукахъ Божіихъ для выясненія истины.— Возьмемъ другого историка—богослова Кестлина. Онъ также видитъ въ ученіи Лютера постепенное раскрытіе истины. Правда, Кестлинъ видѣлъ въ дѣятельности реформатора два періода; но, по его мнѣнію, Лютеръ и во второй періодъ нисколько не противорѣчилъ себя, а былъ вполне послѣдователенъ, онъ только опредѣленнѣе сталъ высказывать свое ученіе, раскрывая тѣ стороны истины, которыя до того времени оставались нераскрытыми.—Если обратимся къ менѣе серьезнымъ богословамъ, то увидимъ, что они еще болѣе превозносятъ Лютера и его дѣло. Плянкъ и особенно Кестлинъ сознаютъ отчасти нѣкоторую непоследовательность въ ученіи Лютера и стараются только доказать, что этой непоследовательности не было. Эти же богословы, кажется, совсѣмъ не сознаютъ, что въ дѣятельности нѣмецкаго реформатора и его ученіи не все было гладко. Они знаютъ только то, что чрезъ него дѣйствовалъ Богъ, что раскрытіе истины для него составляло цѣль жизни, что онъ открылъ изъ-подъ пыли „древнее ученіе евангелія“ (Teichmüller). По мнѣнію одного изъ этихъ богослововъ (Rupert), ученіе апостоловъ въ католичествѣ было извращено, христіанство было тамъ, такъ сказать, въ рабствѣ у папы, такъ что въ католичествѣ „не было даже религіи“. Но вотъ является Лютеръ, переворотъ въ душѣ котораго сравнивается съ переворотомъ въ душѣ апостола Павла -- бывшаго гонителя христіанъ. Онъ уничтожаетъ римскія цѣпи, освобождаетъ христіанство изъ-подъ власти папы и выводитъ на свѣтъ евангеліе, находившееся до того времени подъ спудомъ. Какъ видимъ, по мнѣнію этихъ богослововъ, дѣло Лютера не только не меньше дѣла апостоловъ, а пожалуй и больше.

Католическіе историки-богословы, конечно, иначе смотрятъ на ученіе Лютера. Для нихъ послѣдній—не пророкъ и не апостоль, и его дѣло не дѣло Божіе. Поэтому имъ естественно было безпристрастнѣе цѣнить ученіе реформатора. Изъ нихъ

мы укажемъ на двухъ солиднѣйшихъ историковъ, именно на Дёллингера и Янсена. Первый въ трехъ томахъ своего издѣданія основательно доказываетъ ложность лютеранскаго ученія, указывая на разстройство, которымъ оно сопровождалось въ жизни народа. Для этого онъ излагаетъ ученіе Лютера объ оправданіи и касается отчасти другихъ его взглядовъ, чтобы читателю было видно, какъ естественно вытекало изъ нихъ разстройство въ лютеранской общинѣ. Доказывая такъ ложность лютеранскаго ученія, Дёллингеръ не старается однако слѣдить за тѣмъ, какъ это разстройство повліяло на то, что лютеранскіе богословы къ основнымъ своимъ взглядамъ стали потомъ дѣлать несоотвѣтствующія послѣднимъ добавленія. Янсенъ въ сущности такъ же смотритъ на лютеранство. Онъ въ своей трехтомной „Исторіи нѣмецкаго народа съ конца среднихъ вѣковъ“ документально доказываетъ преимущество католичества предъ лютеранствомъ. По его мнѣнію, Лютеръ не только не уничтожилъ недостатковъ, которые были до него въ католической церкви, но, напротивъ, уничтожилъ все, что было тамъ хорошаго, произведши религіозную и нравственную разнузданность и создавши въ Церкви тираннію свѣтской власти.

Оцѣнка католическими историками дѣла Лютера и его ученія противоположна оцѣнкѣ, дѣлаемой историками—защитниками реформаціи. И эта оцѣнка, какъ видимъ, далеко не въ пользу лютеранскаго ученія. Но, конечно, католическихъ историковъ, послѣдствіе противоположности католичества лютеранству, могутъ обвинять въ неправильномъ взглядѣ на лютеранство. Поэтому весьма интересно познакомиться съ взглядомъ на послѣднее такихъ протестантскихъ богослововъ, которые болѣе или менѣе безпристрастно смотрятъ на лютеранство. Мы укажемъ на двухъ историковъ—на Менцеля и Гольцаузена. Первый изъ нихъ—сторонникъ постепеннаго развитія религіи. По его мнѣнію, и безъ дѣла Лютера человѣчество пошло бы прогрессивнымъ путемъ, Лютеръ же задержалъ прогрессъ человѣчества, такъ какъ произвелъ разстройство въ общинахъ. Менцель думаетъ, что высказанныя нѣмецкимъ реформаторомъ протестантскія начала высказаны были слишкомъ рано. Народъ не понялъ ихъ и злоупотребилъ ими. Это заставило Лютера идти другимъ путемъ. Онъ начинаетъ теперь дѣлать все, чтобы

только обезпечить возможность существованія лутеранской общины. Для этого онъ измѣняетъ отчасти свой взглядъ на таинства, склоняется къ признанію авторитета Церкви и отрицаетъ безграничную свободу въ религіозныхъ дѣлахъ. Этимъ Лютеръ лишаетъ реформацію ея первоначальнаго направленія; здѣсь онъ оставляетъ протестантскія начала и склоняется къ католическимъ взглядамъ, такъ что свѣтлое утро „дня закапчивается вечеромъ“. Съ такимъ взглядомъ Менцеля въ сущности согласенъ и Гольцгаузенъ, хотя онъ придавалъ протестантизму гораздо болѣе значенія, видя въ немъ „принципъ для будущаго образованія европейской народной жизни“. Такія божественныя идеи, думаетъ Гольцгаузенъ, какъ идея, одушевлявшая Лютера, осуществляются не во время одной человѣческой жизни, но въ цѣлыя столѣтія. Поэтому, естественно, она не была понята народомъ и произвела разстройство въ Церкви. Представители лутеранской общины стараются всѣми силами уничтожить это разстройство, вслѣдствіе чего поступаютъ вопреки своимъ протестантскимъ принципамъ. Отсюда вмѣсто послѣдовательнаго развитія протестантскихъ началъ, вмѣсто правильнаго воплощенія ихъ въ дѣйствительности, вмѣсто истинной Церкви появляются каррикатуры на эту Церковь.

Думаемъ, что никто не станетъ упрекать Менцеля и Гольцгаузена въ излишней придирчивости къ лутеранству. Оба они, а въ особенности послѣдній, сочувствуютъ протестантскимъ началамъ, хотя первый и придаетъ болѣе значенія въ дѣлѣ прогресса человѣчества нѣмецкой философіи, чѣмъ нѣмецкой теологіи. Но не смотря на сочувствіе протестантскимъ началамъ, оба они сознаютъ, что эти послѣднія произвели разстройство въ лутеранской общинѣ, каковое разстройство и заставило Лютера и другихъ лутеранскихъ богослововъ поступать иногда вопреки протестантскимъ принципамъ или даже, какъ выражается Менцель, оставить протестантскія начала и склониться къ католическимъ взглядамъ. Кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти историки и отчасти Деллингеръ и Янсень являются достаточными защитниками того нашего взгляда, что лутеранское ученіе необходимо ведетъ и дѣйствительно вело къ разстройству общины, принявшей его, и что вслѣдствіе этого во второй періодъ дѣятельности Лютера представители

лютеранской общины „перостали отдаляться отъ католическихъ взглядовъ, но, какъ бы остановившись въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія въ противоположность католичеству, старались къ прежнимъ своимъ положеніямъ присоединить такія, которыя плохо вязались съ ними и были приличны скорѣе католичеству, чѣмъ лютеранству предшествующаго періода“. Конечно, Менцель и Гольцгаузенъ разстройство въ лютеранской общинѣ объясняютъ не такъ, какъ мы. Но всякій православный, думаемъ мы, пойметъ, что это разстройство произошло не отъ непониманія народомъ протестантскихъ принциповъ, а вслѣдствіе неприменимости ихъ къ жизни.

Назвавъ Менцеля и Гольцгаузена защитниками нашего взгляда на развитіе лютеранскаго ученія при жизни Лютера, мы однако должны замѣтить, что свой взглядъ мы заимствовали не у этихъ историковъ. Дѣло въ томъ, что у нихъ не проведенъ прямо и рѣшительно такой именно взглядъ, какой проводимъ мы, такъ какъ они только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій заявляютъ, что Лютеръ былъ непослѣдователемъ собѣ то въ томъ, то въ другомъ. Нашъ взглядъ естественно и постепенно образовывался при изученіи различныхъ изслѣдованій о Лютерѣ, а въ особенности при изученіи произведеній самого реформатора. Замѣчанія же Менцеля и Гольцгаузена о той или другой непослѣдовательности Лютера дали намъ ббльшую смѣлость обнародовать образовавшійся у насъ взглядъ на лютеранское ученіе. Держаться этого взгляда побуждало насъ и соображеніе о томъ практическомъ значеніи нашего сочиненія, на которое мы указываемъ въ концѣ предисловія къ послѣднему.

Ученіе Лютера еще въ самомъ началѣ своего появленія распространялось довольно быстро; оно еще тогда принималось многими съ большимъ энтузіазмомъ. Принимавшіе его воображали, что они достигли, наконецъ, истиннаго ученія и что раньше они были идолопоклонниками. Подобное замѣчалось и замѣчается и въ нашемъ отечествѣ при распространеніи протестантскихъ идей. Это замѣчается въ особенности ясно въ послѣднее время при распространеніи штундизма. Штундизмъ — порожденіе протестантства и въ сущности почти ничѣмъ не отличается отъ послѣдняго. Принявшіе штундистское ученіе воображаютъ, что теперь только

они увидѣли свѣтъ евангелія, теперь они стали истинными христіанами, тогда какъ ранѣе, находясь въ лонѣ православной Церкви, они будто бы были язычниками. Смотри такъ высоко на себя, штундисты превозносятся нѣмцевъ—своихъ руководителей и ихъ вѣру, ругая въ то же время вѣру православныхъ. Что дѣлать съ ними? Какъ ихъ образумить? Какъ доказать, что они стоятъ на ложномъ пути? Мы стараемся на основаніи Св. Писанія убѣдить ихъ, что ученіе какъ ихъ, такъ и ихъ руководителей—нѣмцевъ, ложно. Но сдѣлать это не всегда удастся. Иногда скорѣе можно достигнуть этого чрезъ указаніе противорѣчій въ словахъ и ученіи штундистовъ и ихъ руководителей, ибо эти противорѣчія ясно доказываютъ, что ученіе, содержащее ихъ, не можетъ быть истиннымъ. Отсюда понятно, что сдѣланная нами попытка доказать, что самое появленіе и развитіе ученія нѣмцевъ—штундистскихъ наставниковъ свидѣтельствуемъ о неистинности этого ученія, попытка доказать, что самая исторія развитія лютеранскаго ученія ясно изобличаетъ ложность послѣдняго, попытка, въ самомъ корнѣ подрывающая лжеученіе штундистовъ и ихъ родоначальниковъ, и должна имѣть нѣкоторое практическое значеніе, такъ какъ можетъ принести нѣкоторую пользу въ миссіонерскомъ дѣлѣ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о научномъ значеніи нашего сочиненія. Это значеніе сочиненіе должно бы имѣть уже вслѣдствіе проведеннаго нами новаго взгляда на лютеранское ученіе. Но вотъ вопросъ: если бы оказалось, сверхъ нашего ожиданія, что взглядъ этотъ неправиленъ, то потеряло ли бы тогда наше сочиненіе свое значеніе? Отнюдь нѣтъ. То практическое значеніе, о которомъ мы говорили, оно, конечно, потеряло бы; но въ научномъ отношеніи оно и тогда имѣло бы значеніе. Мы уже говорили, что въ нашей литературѣ, кромѣ сочиненія пресвященнаго Хрисанова, нѣтъ произведеній, въ которыхъ лютеранское ученіе было бы изложено въ системѣ. Да и о трудѣ покойнаго пресвященнаго мы должны сказать, что лютеранское ученіе изложено въ немъ не на основаніи знакомства со всѣми произведеніями Лютера, а потому это ученіе и излагается въ немъ не всегда правильно. Отъ этого и происходило то, что изучавшіе люте-

ранское ученіе по имѣвшимся въ нашей литературѣ сочиненіямъ болѣе или менѣе основательно могли изучить только нѣкоторые пункты этого ученія, съ другими же пунктами познакомились поверхностно, а нѣкоторые усвоили себѣ въ превратномъ видѣ. Такъ напр. ученіе о таинствахъ и Церкви, несомнѣнно, излагалось въ нашей литературѣ не совсемъ правильно. Отсюда понятно, что наше сочиненіе, въ которомъ излагаются главные пункты лютеранскаго ученія на основаніи подлинныхъ произведеній Лютера и символическихъ лютеранскихъ книгъ, при чемъ дѣлается попытка объяснить и самое появленіе этихъ пунктовъ, и должно имѣть значеніе въ русской литературѣ. Обратимъ вниманіе и на то, что лютеранское ученіе мы излагаемъ по большей части не своими словами, а словами Лютера и символическихъ лютеранскихъ книгъ. Мы не ограничивались только глухими ссылками на первоисточники, а дѣлали изъ нихъ буквальныя выдержки. Особенно много такихъ выдержекъ приведено у насъ изъ сочиненій самого реформатора. А это очень важно въ томъ отношеніи, что читателю дается возможность ознакомиться съ лютеранскимъ ученіемъ не изъ словъ только автора, но главнымъ образомъ изъ подлинныхъ словъ представителей лютеранства. При такой постановкѣ дѣла авторъ не навязываетъ своего взгляда читателю, который въ томъ случаѣ, если бы авторъ сдѣлалъ не совсемъ правильный выводъ изъ словъ представителей лютеранства, имѣетъ полную возможность на основаніи этихъ самыхъ словъ, приведенныхъ въ сочиненіи автора, замѣтить такую неправильность. Прибавимъ къ этому, что выдержкамъ изъ сочиненій Лютера мы придаемъ цѣнность еще и потому, что нѣкоторыя изъ нихъ трудно было передать правильнымъ русскимъ языкомъ вслѣдствіе трудности языка (особенно латинскаго) сочиненій Лютера, а иногда туманности ихъ содержанія.

Всякому писателю, занявшемуся изученіемъ какого нибудь предмета, очень легко дойти до чрезмѣрнаго восхваленія значенія этого предмета и своего сочиненія, разрабатывающаго таковой. Поэтому и мы, говоря о значеніи нашего сочиненія, могли что-нибудь преувеличить. Болѣе безпристрастная оцѣнка нашего сочиненія есть уже дѣло ученой критики.

С. Маргаритовъ.